ЕЛЕНА АРСЕНЬЕВА

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ МАТИЛЬДЫ КШЕСИНСКОЙ

Чаровница

Елена Арсеньева

Разбитое сердце Матильды Кшесинской

«Автор»
2012

Арсеньева Е. А.

Разбитое сердце Матильды Кшесинской / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2012 — (Чаровница)

ISBN 978-5-699-55333-4

Матильда Кшесинская была талантливой балериной и – искусной обольстительницей. Именно ей суждено было стать первой женщиной цесаревича Ники, будущего Николая Второго. Николай искренне любил Матильду, но – увы! – императорские особы по любви не женятся.Законная супруга Николая будет ревновать его к Матильде всю жизнь, и не напрасно. Забыть минуты, проведенные в ее объятиях, император не сможет до конца своих дней. И сама Матильда никогда не вычеркнет из памяти Ники, в которого была страстно, без памяти влюблена.

ISBN 978-5-699-55333-4

© Арсеньева Е. А., 2012
© Автор, 2012

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента. 30

Елена Арсеньева
Разбитое сердце Матильды Кшесинской

Смотрите только не флиртуйте слишком!
Александр III

– Ваше величество, прибыл господин Болен. Вы изволили приказать… э-э… о, извините великодушно, я думал, вы одни… быть может, сказать ему, чтобы пришел попозже?

– Ники, довольно подарков! Мои шкатулки и так ломятся от украшений. Ты же знаешь, я их не люблю.

– Аликс, это… это, собственно, не для… То есть я хотел сказать, я помню твою волю – ничего тебе больше не дарить. Но сейчас… мне нужно выбрать официальный подарок. Поэтому я и пригласил ювелира.

– Официальный? Ты сам выбираешь официальный подарок?! Это для меня новость. И кому он предназначен?

– Ну… Впрочем, это неважно, я сделаю это в другой раз. Вы идите, Владимир Владимирович. В самом деле, скажите этому господину, чтобы явился в другой раз. Ты знаешь, Аликс, пожалуй, ты была права, воспитатель для девочек должен быть…

– Нет, не заговаривай мне зубы, Ники. А вы, господин Свечин, погодите. Скажите мне, о каком подарке идет речь.

– Ваше величество, я… я не знаю…

– Вы не знаете? Вы, флигель-адъютант императора? Да про вас говорят, что вы знаете о желаниях государя прежде, чем он сам их ощутит! Или вы не знаете, что сказать мне? Иными словами, выдумываете, как половчее соврать?

– Аликс, прошу тебя, оставь Владимира Владимировича в покое. Я сам тебе все расскажу. Это сущий пустяк. Мы сегодня едем в театр, ты помнишь?

– Конечно. Сегодня же бенефис… этой! Не понимаю, почему я должна удостаивать ее своим присутствием. И неужели ты ради нее вызвал лучшего ювелира Санкт-Петербурга? Ради того, чтобы купить подарок ей?!

– Сегодня бенефис прекрасной балерины, Аликс. Мадемуазель Кшесинскую называют гордостью русского балета, и вполне заслуженно. Мой отец очень ценил ее и часто удостаивал ее выступления своим присутствием.

– О!.. Не только отец!

– Аликс, довольно, прошу тебя. Об этом уже не раз переговорено, и все давно забыто.

– Нет! Не забыто! Я прекрасно помню, кем была для тебя эта женщина!

– О господи… Прошу вас, Владимир Владимирович, оставьте нас.

– Слушаюсь, ваше величество.

– Аликс, прекрати, умоляю тебя.

– Нет! Мне противно говорить об этом.

– Зачем же говоришь?

– Я не могу молчать! Мне больно вспоминать…

– Ну так не вспоминай. Довольно, Аликс!

– Ну уж нет! Кажется, ты так и не понял тогда, когда мы только что поженились, какую боль мне причинил, рассказав о том, что у вас было!

– Милая ты моя, ну как же ты не поняла! Я хотел быть честным с тобой, я не мог ничего скрыть от женщины, на которой женился. Неужели ты бы хотела, чтобы у меня были от тебя тайны? Я ведь готов был выслушать и твою исповедь, но ты ничего не пожелала открыть.

– Мне не в чем было исповедоваться! Я пришла к тебе чистой, чистой помыслами, душой, сердцем, телом! А ты… ты писал мне о любви, а сам любострастничал с… этой! Ты любил ее, а не меня!

– Аликс, столько лет прошло. Что это вдруг за вспышка ревности? Ты ведь знаешь, что ты для меня – единственная женщина на свете.

– Но не первая твоя женщина!

– Аликс, ну я же тебе объяснял: природа мужчин такова, мы устроены иначе… Маля, то есть… ну, она была для меня… я ведь был неопытен, невинен, я ничего не знал о женщинах… Думаю, ты мало бы получила радости от увальня, который ничего не может и не умеет.

– Ага, ты не скрываешь, что она обучала тебя греху? Ты грешил с ней, грешил!

– Не более, чем грешат другие мужчины. Не более, чем грешим мы с тобой нашими блаженными ночами! Аликс, давай прекратим этот разговор. Ты не права.

– Хорошо. Хорошо, я признаю свою неправоту. Прости меня, Ники, я была глупа.

– Ты совсем не глупа, дусенька.

– Нет, я вела себя глупо. Я хочу загладить свои вину. Господин Свечин! Вернитесь. Ювелир еще не ушел? Позовите его!

– Зачем, Аликс?

– Я же сказала тебе: я хочу загладить свою вину и сама выберу подарок для э-этой… я хочу сказать, для мадемуазель Кшесинской. В конце концов, я как женщина, уж наверное, лучше знаю, что может понравиться другой женщине! Ну позволь мне, Ники, ну прошу тебя!

– Хорошо, Аликс. Возможно, в самом деле ты лучше знаешь.

Подарок выбирали недолго. Небрежно переворошив не меньше полусотни разложенных на большом столе драгоценных, изысканной работы и огромной ценности вещиц, императрица взяла тяжелый браслет, усыпанный бриллиантами и украшенный сапфирами, и твердо сказала:

– Вот это. Ей поднесут это.

– Но… – в один голос воскликнули государь и его флигель-адъютант и осеклись, потому что Александра Федоровна с невинным видом вскинула брови:

– Вам не нравится? Великолепная работа. И я не ошибусь, если скажу, что это самая дорогая здесь вещь.

– Ваше величество совершенно правы, – с поклоном подтвердил очень довольный выбором Болен.

– Вот видите! Она будет в восторге! – воскликнула Александра Федоровна.

– Но… – опять сказали в один голос Николай Александрович и Свечин и снова осеклись, услышав резкий голос императрицы:

– И это подарок со смыслом. Ведь это – символ мудрости!

Император и его флигель-адъютант переглянулись и снова растерянно уставились на прекрасный, усыпанный бриллиантами и украшенный сапфирами браслет в виде змеи.

Символ мудрости, значит? Ну-ну. Да нет, это символ совершенно иного! О женщины! Да можете ли вы не ненавидеть друг друга?!

Николай Александрович тихонько вздохнул. Делать нечего. Спорить – себе дороже. Главное – мир в семье. Он безумно счастлив с Аликс, не надо с ней спорить, это его жизнь, его любовь и судьба, а Малечка – это прошлое, которое вообще надо забыть. Да и, в конце концов, и змея – неживая, и балерина Кшесинская – не Клеопатра. Может, как-нибудь обойдется?

Если бы он мог заглянуть в будущее, то узнал бы, что не обойдется: жена будет ревновать его к Матильде Кшесинской долгие годы. Можно было бы сказать «до конца жизни», однако перед концом жизни у нее будут гораздо более серьезные поводы для беспокойства.

* * *

– Маля, да не беги ты так! – задыхаясь, воскликнула Юлия. – Мы успеем к столу, даже умыться и переодеться успеем. И не маши, бога ради, этой своей дурацкой палкой, а то меня пришибешь!

– Я не машу палкой, а паутину убираю, – проворчала младшая сестра, которую все звали просто Маля, потому что роскошное имя «Матильда» казалось слишком помпезным и тяжелым для ее маленькой фигурки – как юбка с кринолином! Маля шла впереди сестры и проворно вертела суковатой веткой во все стороны. – Смотри, сколько паутины, и она вся с пауками! Можно подумать, ты обожаешь пауков.

– Конечно, обожаю, – невинно проговорила Юлия. – Особенно когда они садятся мне на нос. А-ах, это неземное блаженство! – И она расхохоталась.

Но сестра не засмеялась вместе с ней, а панически взвизгнула и ринулась вперед, не разбирая дороги.

– Маля, подожди! – Юлия кинулась следом. – Да стой, тебе говорят!

Но Матильда остановилась, только выбежав на опушку леса подальше от кустов.

Юлия схватила ее за руку:

– Ну извини, ну прости, Малечка!

В голосе ее звучало раскаяние. Конечно, не стоило дразнить сестру. Ведь бедняжку до сих пор бросает в дрожь при воспоминании о том давнем-предавнем случае, когда она пошла в лес по грибы (Маля обожала собирать грибы!), завидев чудесный подберезовик, бросилась к нему… но угодила лицом прямо в паутину. И хозяин этой паутины немедленно сел девочке на нос! В перепуге Маля уронила корзину и со страшным ревом бросилась сломя голову бежать домой, не решаясь даже смахнуть ужасного паука с носа.

Юлия передернулась, представив этого паука на носу *у себя*, и в новом приступе раскаяния поцеловала сестру. Надо ее поскорей отвлечь.

Отвлечь Малю можно было двумя способами: разговорами о балете или о мужчинах. Но о балете и так беспрерывно говорят дома (иначе и быть не может в семье, где все или танцоры, или учатся быть ими), а вот об интересных мужчинах дома поговорить не удается – маман на сей счет очень строга.

– Маля, как ты думаешь, почему этот англичанин к нам так часто ездит?

Ага, лицо сестры мигом изменилось: только что было искажено страхом, и тут же на нем появилось выражение величайшего безразличия.

– Какой англичанин? Макферсон? – спросила она так равнодушно, что если бы Юлия не знала сестру так же хорошо, как себя, непременно клюнула бы на удочку.

Что и говорить, у Мали чудесная мимика, она будет великолепной мимической актрисой, так все говорят. Вот притвора!

– А что, к нам ездит еще какой-то англичанин, кроме Макферсона? – хихикнула Юлия.

– Ну, я думаю… он увлечен балетом, – тем же тоном сказала Маля.

– Да?! А я думаю, он увлечен балеринами. Вернее, одной будущей балериной… Нетрудно догадаться, кто это.

Черные глаза Мали блеснули.

– Ты думаешь, он в меня влюблен? – спросила она радостно.

– Ну, влюблен – это слишком, – осторожно сказала Юлия. – Хотя эти мужчины, которые ездят на балеты, чтобы посмотреть на ножки балерин и при случае заглянуть им под юбки, частенько говорят, что влюблены. Но на самом деле они просто-напросто хотят бросить нам палку.

– Что?! – Черные брови Мали подскочили на лоб. – Зачем?

– Дурочка. Да для своего удовольствия, зачем еще?

– Как палку? Я не понимаю… – Маля растерянно повертела в руках ветку. – Как это, палку для своего удовольствия?

Юлия расхохоталась. Она была на шесть лет старше Мали, но большей частью разница между ними не ощущалась – настолько смышленой, быстрой умом, сообразительной родилась ее младшая сестра. Однако порой, вот как сейчас, было очень приятно почувствовать себя гораздо старше и опытней. Неужели Маля до сих пор не знает таких простых вещей? Ну что ж, пора узнать.

– Малечка, не будь дурочкой, – сказала Юлия снисходительно. – Это значит сношаться, совокупляться, любострастничать. Надеюсь, эти слова тебе известны и, что они означают, ты знаешь?

Маля покраснела и отвела глаза. Ей хотелось ответить, что нет, неизвестны, она их впервые слышит, но она никогда не врала сестре. Не собиралась делать это и сейчас.

– Все эти господа, которые аплодируют нам из зрительного зала, – продолжала Юлия, – уверены, что если мы показываем свои ноги и голые руки и если нас обнимают, берут на руки и хватают везде, за все места, за грудь, бедра и между ног, наши партнеры по сцене, значит, мы очень легкомысленны и доступны и дадим щупать себя кому ни попадя, не откажем ни одному мужчине. Это заставляет «приличных женщин» смотреть на нас с презрением, а мужчин – с вожделением. Каждый из них мечтает овладеть нами, вовлечь во грех. То, что они делают с женами, им скучно, это обязанности, супружеские обязанности, а от греха люди получают наслаждение. И грешить с балеринами – это им кажется куда более изысканно, чем ездить в maison de joli [1].

Маля поджала губы:

– Ну, от меня они этого не дождутся. Я никому ничего не позволю. Я не такая.

– Чем быстрей ты поймешь, что нам лучше быть именно *такими*, тем будет лучше, – жестко сказала Юлия. – Ты в самом деле думаешь, что можно чего-то добиться чистым искусством? Нет. Нужна протекция, а протекцию может составить только мужчина. Но мужчина ничего не сделает даром. Он только пожмет плечами, если ты ему посторонняя. Но он расшибется для тебя в лепешку, если он твой любовник.

– А ты?… – робко спросила сестра и тут же, смешавшись, умолкла.

Юлия невольно улыбнулась:

– Ты хочешь спросить, сплю ли я с кем-нибудь?

– Юля! – в ужасе вскричала сестра. – Такие слова… Маман рассердилась бы!

– Ах боже ты мой! – засмеялась Юлия. – Тебе сегодня исполняется пятнадцать, хватит тебе строить из себя невинность. Впрочем, ты вовсе не так уж невинна в душе – я ведь вижу, как ты кокетничаешь с этим Макферсоном. Но не заходи слишком далеко! Властвуй над своими чувствами. Имей в виду: отдаться стоит только такому мужчине, который не сделает из тебя игрушку своих прихотей, а или пообещает жениться на тебе, или, по крайней мере, обеспечит тебе жизнь, при которой ты не будешь зависеть от прихотей театральной дирекции или интриг так называемых подруг по сцене. Обеспеченную жизнь.

– А у тебя уже есть такой мужчина? – затаив дыхание спросила Маля.

– Ну… я познакомилась с одним бароном…

– Бароном! – в восторге воскликнула Матильда.

– Он мне ужасно нравится, он говорит, что влюблен в меня и женится, когда выйдет в отставку.

– А, так он старый, если говорит об отставке! – разочарованно протянула сестра.

– Старый! – возмутилась Юлия. – Да он всего на три года старше меня!

---

[1] Веселый дом *(фр.)* – иносказательное название публичных домов.

– Значит, ему двадцать три, – быстренько подсчитала Маля. – Ну, так он выйдет в отставку еще не скоро!

– Честно говоря, я не спешу замуж, – усмехнулась Юлия. – Мне гораздо больше нравится танцевать, быть свободной, иметь при себе влюбленного мужчину, который оплачивает мои наряды и дарит всякие милые безделушки. А с замужеством и детьми можно и подождать.

– Как, ты не хочешь иметь детей? – ужаснулась Маля. – Но наша маман…

– Я обожаю маман, но тринадцать детей иметь не хочу, – покачала головой Юлия. – Нет-нет, пусть их лучше не будет вообще!

– А у меня будет много детей! – с воодушевлением сказала Маля.

– И много мужей? – хихикнула сестра.

– Нет, я не хочу много мужчин, – с благочестивым видом сказала Маля. – Я хочу замуж, венчаться буду в Исаакиевском соборе, и сразу у меня будет много детей!

– Прямо сразу? – насмешливо переспросила старшая сестра. – И сразу много? А как же балет? А поклонники?

– Я не знаю… – растерялась Маля. – Но ведь Екатерина Оттовна Вазем – знаменитая балерина, и она замужем. Она очень уважаемая женщина. Я тоже хочу, чтобы меня уважали. Кого полюблю первого, за того и замуж выйду, а потом посмотрим.

Если бы она могла заглянуть в будущее, она бы узнала, что за того, кого полюбит первым, выйти замуж она не сможет при всем желании. И ребенка, своего единственного сына, родит не от него. И мужчин у нее будет много. А свадьба ее состоится спустя много-много лет, но не в Исаакиевском соборе, а в храме Александра Невского на рю Дарю в Париже. Она будет мечтать об этом событии так страстно, как не мечтала ни о чем и никогда, потому что благодаря этой свадьбе она станет не только «уважаемой женщиной», но вновь как бы приблизится к тому, кого полюбила первым, так как станет носить его фамилию и будет зваться Красинская-Романова.

– А балет… – продолжала болтать Маля, но Юлия вдруг всплеснула руками:

– Боже! Мы болтаем, а время-то идет! Посмотри, где солнце! Мы безнадежно опоздали! Хороша именинница, которая опаздывает к столу! И я хороша! Ох и достанется нам! Бежим! Только брось палку, умоляю: здесь, на опушке, нет пауков!

– Бросить палку? – невинным голоском переспросила Маля. – А я-то поняла, будто это умеют делать только мужчины…

– А ты сообразительна, сестричка! – воскликнула Юлия, восхищенно качая головой.

И девушки, хохоча во весь голос, кинулись к дому.

* * *

– Ну да, – ехидно сказал император Александр Александрович. – Я ему девку приведу, а ты со свечкой стоять станешь. Нет уж, уволь, ради бога! Пускай сам управляется! Я в его годы небось…

Он осекся, надеясь, что жена не обратит внимания на обмолвку. В том-то и дело, что в «его-то годы», в возрасте своего нерешительного сыночка, цесаревича Николая, он, тогда еще великий князь Александр, был еще более нерешительным и даже носил в семействе прозвище «бедный Мака». Иногда его называли еще откровеннее: «увалень Мака». В том, что он сущий увалень, могла убедиться и его жена, когда была еще невестой. Несмотря на то что меж родителями и государствами, Россией и Данией, все давно было решено, Александр никак не мог отважиться сделать предложение. Отцу невесты, ее брату и сестре пришлось запереть юношу и

девушку в ее комнате, а потом неожиданно войти. Только тогда удалось сдвинуть с места этот тихоход по имени «увалень Мака».

Точно таким же рохлей он показал себя по отношению к своей первой любви, Марии Мещерской. Он тогда был даже старше сына, а вовсе не его ровесником, но храбрости от этого у него не прибавилось. Даже толком поцеловаться с милой его сердцу девушкой решился лишь в последнюю минуту перед окончательной разлукой! Конечно, потом у него были другие женщины (и сейчас они есть, и ему плевать, знает об этом жена или не знает), но в возрасте сына он вряд ли смог бы служить кому-то примером гусарской лихости в отношениях с прекрасным полом.

Но он хотя бы был влюблен. И как влюблен! И хотя отец и мать желали его брака с датской принцессой Дагмар, бывшей невестой старшего брата Николая, Никса, незадолго до того безвременно скончавшегося, Александр мечтал о другой. И домечтался: в одной из французских газет появилась скандальная статья, в которой говорилось, что-де наследник русского престола отказывается от женитьбы на датской принцессе, так как увлечен некоей княжной Мещерской, с которой намерен вступить в морганатический брак. В скором времени эту статью перепечатали датские газеты, и семья короля Христиана, отца Дагмар, испытала изрядное потрясение.

В этой ситуации достойнее всего вела себя Дагмар. Холодно и спокойно. Только приподняла брови – и уединилась в своих комнатах, не выразив ни печали, ни огорчения, ни смущения, словно ей совершенно все равно.

Однако ее отцу не было все равно. Король Христиан написал в Петербург и спросил, правда ли все это.

Император Александр Николаевич призвал сына и задал тот же вопрос.

Александр сперва молчал, потом сказал, что в Данию ехать не может и жениться не хочет.

– Отчего же? – спросил император, силясь говорить спокойно. – Что тебе мешает? Уж не любовь ли к Мещерской?

Сын промолчал. Отец перенес беседу на завтра и попросил его как следует все обдумать.

Император выглядел невозмутимым. Но, глядя вслед уходящему цесаревичу, с невольным раскаянием подумал, что отчасти сам виноват, что ситуация зашла так далеко. Но кто мог ждать от этого «увальня Маки»…

Его увлечение фрейлиной императрицы Мари Мещерской родители заметили давно. Но кто не увлекался в юности, кто не влюблялся? «Увалень Мака» всегда опаздывал – опоздал он и с первой любовью. В двадцать лет впервые потерять голову от женщины… Смешно. Он и выглядел смешным, почти водевильным персонажем: высоченный, неповоротливый, добродушный красавец, который пытался увиваться вокруг тоненькой, юркой и хитрой особы. Даже не очень хорошенькой!

Да, княжна Мещерская не блистала красотой. Однако она была довольно пикантная крошка и при этом очень умная – безусловно, редкое сочетание при дворе! Это выделяло ее из толпы пресных жеманниц, «милых мордашек», это привлекло к ней внимание цесаревича, который всегда был излишне серьезен. И вдруг с ним что-то произошло. Он, который всегда чурался урагана светских развлечений и даже побаивался его, теперь просто-таки закружился в нем. Он даже стал танцевать. Правда, его дамой отчего-то всегда бывала только фрейлина Мещерская. Он норовил не только танцевать с ней, но и сидеть рядом. А его взгляды?! Значения их не понял бы только идиот!

Ну да, он влюбился, впервые в жизни. Может быть, потому, что рядом с Мари не чувствовал себя тем, кем был всегда, – неуклюжим, толстым, некрасивым младшим братом, лишь по несчастью, из-за смерти Никса, вознесенным на высоту своего нынешнего положения наследника престола. Казалось, что ей безразлично, кто он и как выглядит. Казалось, что ее интересует лишь родство их душ!

Они улучали время для случайных встреч. Помогала Саша Волкова, тоже фрейлина: передавала записки, улаживала ссоры, охраняла их мгновенное уединение во время прогулок. Сашенька очень хорошо понимала, что такое любовь украдкой: она и сама была влюблена в младшего великого князя Алексея, а он был влюблен в нее, но пока это еще было тайной для всех.

О романе же цесаревича начали злословить. «Опять пошли неприятности, – почти в ярости писал Александр в своем дневнике. – М.Э. [2] мне сказала, что к ней пристают, зачем она садится возле меня так часто. Но это не она, а я сажусь возле нее. Снова придется сидеть бог знает где и премило скучать на собраниях. О глупый, глупый свет со своими причудами!»

«Глупый свет» меж тем был весьма наблюдателен. Все знали, что отношения цесаревича и Мари пока что вполне невинны. Однако «увалень Мака» при всем своем душевном спокойствии уже начал волноваться. Не сегодня завтра он потребует, чтобы Мари стала его любовницей. И все это может кончиться очень плохо!

Больнее и неприятнее всего поразило Александра полное неодобрение его самого близкого друга Владимира Мещерского, внука знаменитого историка Карамзина и родственника Мари. Вовî, как его звали среди своих, резко сказал, что считает кузину пустышкой, которая способна только разбить человеку сердце, но отнюдь не умеет любить. Ее привлекает игра с наследником престола, а вообще говоря, она мечтает о выгодной партии – и больше ни о чем! Вово умолял друга подумать о России, отрешиться от нелепой страсти к взбалмошной, мелкой, эгоистичной натуре, которая не заслуживает ни одной из тех жертв, которые готов во имя ее принести Александр. Друг видел: что-то надломилось в безмятежном богатыре. Да и сам он ощущал себя помешанным. Мака пугал всех своей одержимостью и готовностью бросить жизнь свою и судьбу страны под ноги… кому?! «Ненаглядной Дусеньке», так он звал Мещерскую.

Все это было бы смешно, когда бы не было так грустно… Совершеннейший водевиль!

«Я каждый вечер горячо молю Бога, – строчил Александр в дневнике, – чтобы он помог мне отказаться от престола, если возможно, и устроить мое счастье с милой Дусенькой. Меня мучит одно: то, что я очень боюсь за М.Э., что, когда наступит решительная минута, она откажется от меня, и тогда все пропало. Я непременно должен с ней поговорить об этом и как можно скорее, чтобы ее не застали врасплох. Хотя я уверен, что она готова за меня выйти замуж, но Бог один знает, что у нее на сердце!»

Итак, он решил сообщить отцу, что отважился на морганатический брак. Правда, вслух сказать это не отважился. Написал письмо.

…Ему крепко запомнилась потом ярость отца и те слова, которые пришлось выслушать. Надолго запомнились. Навсегда!

– Ты что же думаешь, что я по доброй воле на своем месте? Разве так ты должен смотреть на свое призвание? Знай, что я сначала говорил с тобой как с другом, а теперь я тебе приказываю ехать в Данию – и ты поедешь, – а княжну Мещерскую я отошлю! А теперь пойди вон. Знать тебя не желаю.

Бедный Мака понял, что все погибло. «О боже, что за жизнь. Стоит ли жить после этого! Зачем я родился, зачем я не умер раньше?!»

Но он был уже сломлен. Встретился с Мещерской для последнего прощания… И тут что-то невероятное вдруг случилось с этими молодыми людьми, которые никогда не позволяли проявиться своим чувствам. Они бросились друг другу в объятия и слились в таком поцелуе, прервать который, казалось, невозможно – разве что для признаний в вечной любви.

Но им был предназначен судьбой только один этот поцелуй. Времени для признаний у них уже не осталось, переиначить свою судьбу Александр не мог.

---

[2] Мещерскую звали Мария Элимовна.

В толпе друг друга мы узнали;
Сошли и разойдемся вновь.
Была без радости любовь,
Разлука будет без печали…

Александр вспоминал в ту минуту своего любимого Лермонтова, а когда доходил до слов:

Пускай толпа клеймит презреньем
Наш неразгаданный союз,

не мог сдержать слез.

Однако проливать слезы тоже не было времени. Императорская яхта «Штандарт» стояла под парами, чтобы везти цесаревича в Копенгаген. А Мари предстояло отправиться в Париж.

…Там они встретятся вновь – спустя год. Мари уже стала женой великолепного Павла Демидова, князя Сан-Донато. Богатого баснословно, воистину по-царски. Да, эта партия была для нее куда интереснее морганатического, почти позорного брака с цесаревичем, вдобавок почти готовым отречься от престола. Казалось, все сложилось к лучшему.

Да, любовь эта была без радости. Но разлука была омрачена вечной печалью, ибо это была вечная разлука. Еще через год Мари умерла в родах.

Александр Александрович вздохнул, как вздыхал всегда, вспоминая невозвратную юность. Но он хотя бы был влюблен! А сын?!

Хотя нет. Впрочем, Ники ведь тоже что-то такое, кажется, испытывал! У него была эта, как ее, которую в двадцать четыре часа пришлось…

* * *

Кшесинские проводили лето в имении Красницы около станции Сиверской, в шестидесяти трех верстах от Петербурга по Варшавской железной дороге. Феликс Иванович, глава семьи, купил Красницы у отставного генерала Гаусмана.

С первой минуты красота этого места поражала всех. У реки Орлинки, на возвышенном берегу стоял прекрасный двухэтажный деревянный дом. Из дома открывался чудесный вид на долины и дальние поля. Сначала имение было довольно запущенным, но Феликс Иванович устроил все по-своему, нанял плотников и маляров – обшить обшарпанные стены досками и заново окрасить их. Но главной переделкой стала постройка обширной столовой. Прежняя столовая была мала для семьи в пятнадцать человек и постоянно наезжающих гостей. Ведь у детей было много друзей и подруг, да и сам Феликс Иванович славился как человек гостеприимный и хлебосольный – всякого нового знакомого норовил зазвать в гости.

Так, к слову сказать, в Красницы и попал молодой англичанин, сотрудник английского посольства Алан Макферсон, восхитившийся мазуркой в исполнении старшего Кшесинского и не удержавшийся от громкого комплимента. Признательному танцовщику, коньком коего была именно мазурка – он считался в этом непревзойденным мастером! – польстило восхищение иностранца. Макферсон был немедля приглашен в Красницы, куда потом и зачастил. Общество молодых и веселых Кшесинских весьма его привлекало, к тому же Матильда, младшая дочь, с ним безудержно кокетничала, что пришлось чопорному англичанину весьма по нраву, хоть и смущало. Сказать по правде, он иногда думал, что черные глаза этой девочки могут довести и его, и ее до беды, надо бы как-то это прекратить, это неловко, это не комильфо, это неприлично, это опасно, в конце концов! Но поделать с собой ничего не мог и продолжал снова и снова ездить в Красницы.

Итак, старую столовую снесли, а на ее месте построили новую, просторную, светлую, где помещался огромный стол, за которым могли свободно разместиться не меньше двадцати пяти человек. И когда запоздавшие Юлия и Маля, обе в легких белых платьях, едва успевшие умыться, переплести косы и переодеться, появились в дверях, они увидели, что стол уставлен угощениями и все ждут только их. На лице матери читалась тревога, которую она старалась скрыть улыбкой.

– Мамочка, мы заблудились, – покаянно сказала Юлия. – Прости, дорогая. Извините нас, господа.

– Вы заблудились? – усмехнулся отец. – Придумайте что-нибудь получше, красавицы. С тех пор как мы перебрались в Красницы и Маля стала сама ходить за грибами, она ни разу не заблудилась в лесу. Что же случилось сегодня? Опоздать на чай в честь своего дня рождения, заставить ждать гостей… а ведь сегодня мистер Макферсон привез познакомиться с тобой свою невесту! Это мисс Алиса Донован. Маля, ты должна извиниться!

Маля шагнула вперед. Она чуть улыбалась и обводила гостей глазами, изо всех сил стараясь не смотреть на молодого голубоглазого англичанина и сидевшую рядом с ним худощавую девушку с веснушчатым лицом и маленьким ротиком, который она старательно растягивала в улыбке. На носу у девушки сидело пенсне. Она посмотрела на Малю и спрятала стекла в нагрудный кармашек платья. Ее серые глаза казались ледяными: сразу стало понятно, что смотреть на Малю ей не слишком приятно.

Алиса… лиса! Хитрая лиса! Ну, еще неизвестно, кто кого перехитрит.

– Извините, господа, – смиренно сказала Маля по-французски. – Это я виновата во всем. Я так увлеклась грибами… Знаете, я совершенно теряю голову, когда собираю грибы.

– Ну, и где же ваш улов? – проговорил Макферсон, старательно выговаривая русские слова.

Собравшиеся дружно расхохотались. Только невеста смотрела непонимающе.

– Улов говорят о рыбе! – заливался громче всех Феликс Иванович. – О рыбе! О грибах так не говорят!

– А как говорят о грибах? – спросил англичанин растерянно.

Кшесинские дружно переглянулись. А в самом деле, как говорят о грибах? О траве – сноп. О цветах – букет. О рыбе – улов. О пшенице – урожай. О дичи – добыча. А о грибах…

– О грибах говорят: где же ваши грибы? – решительно сказала Маля. – Папа, мне уже можно сесть за стол?

Она пробралась на свободный стул напротив Макферсона и задумчиво придвинула к себе большую чашку с варенцом. Отец говорил, что самым торжественным событием дня будет ужин, поэтому царило обычное простое изобилие: чай, кофе, простокваша, варенец, густые сливки и разнообразное домашнее печенье.

Все ели с большой охотой, только мисс Алиса осторожно, маленькими глоточками пила чай и отщипывала по крошечному кусочку от своей булки.

– Вам не вкусно? – спросила Маля, перегибаясь через стол.

– Не знаю, – скривила губы девушка с таким выражением, словно только хорошее воспитание мешает ей сказать: «Фу, какая гадость!» – Я вообще мало ем. Я не люблю есть.

«Поэтому ты такая тощая! – угрюмо подумала Маля. – Вобла вяленая!» Но если эта вобла – невеста Макферсона, значит, ему нравятся тощие? Маля-то думала… и Юля тоже… Значит, они ошибались. Англичанин и сам худой, вот и невесту в пару себе подобрал, а Малю тощей не назовешь. Огород и сад, своя ферма с полным молочным хозяйством, птичий двор и курятник давали много продуктов. Кухарка готовила очень вкусно, отсутствием аппетита никто в доме не страдал, и четырежды в день все садились за стол, к тому же спать ложились по-деревенски рано. Трудно было не полнеть при таком режиме. Маля отлично помнила, как однажды ее пристыдил при всем классе балетмейстер театрального училища Лев Иванов. На первой репе-

тиции осенью, когда все вернулись с каникул, он указал на Малю и громко произнес: «Жаль, что столь талантливая артистка так располнела». С тех пор Маля старалась не наедаться на ночь и брать за завтраком и чаем только по одной булочке, а не по две или три, как хотелось. Но сегодня день рождения, впереди праздничный ужин, а отец привез вчера из города в своей большой кожаной сумке какие-то особенные вкусности, в том числе французские конфеты «les truffes»… Маля так мечтала хоть на один день забыть о запретах! Но эта «невеста» своей постной миной отравила все удовольствие.

Наконец встали из-за стола. И настроение у Мали еще больше испортилось. Мисс Алиса оказалась очень длинноногой. Маля всегда завидовала длинным ногам. Ножки у нее самой были очень хорошенькие, стройные, крепкие, сильные, со стальным носком, который твердо стоял на пуантах, но… коротковатые. Когда поднимаешься на пальцах, все отлично, но не будешь же всю жизнь стоять на пальцах! Конечно, когда Маля повзрослеет, она сможет носить туфли на высоком каблуке, но сейчас родители запрещают даже мечтать об этом. В общем-то, ногами своими Маля гордилась, но сейчас эта англичанка снова все испортила!

Все мечтали весело провести время, но мисс Алиса отказалась идти в лес (она боялась комаров, от укусов которых на ее белоснежной коже оставались красные пятна), в семейную купальню, нарочно построенную на берегу Орлинки (от холодной воды у англичанки делались судороги), играть в прятки на сеновале (от запаха сена она начинала чихать и кашлять, а глаза у нее слезились) и собирать в саду вишню и смородину (она боялась, что на ее тонких пальцах почернеет кожа). А когда крестьяне из соседних деревень пришли с семьями поздравить Малю и принесли гостинцы, мисс Алиса смотрела на корзинки с яйцами или с ягодами, с творогом, грибами, сметаной, на вышитые крестиками полотенца (эти подарки Малю очень трогали!) с нескрываемым презрением, а потом спросила Феликса Ивановича:

– Это ваши крепостные крестьяне?

Пришлось напомнить, что крестьяне отпущены на волю по всей России уже двадцать пять лет назад!

Теперь не только Маля – все Кшесинские поглядывали на англичанку с тайным отвращением. Но она была гостья, к тому же иностранка, поэтому все с ней ужасно носились и старались быть поприветливей.

Наконец кое-как уговорили мисс Алису поиграть в «палочку-воровку». Это была любимая игра и детей, и взрослых. Один из играющих бросал палочку как можно дальше, а другой, который избирался ее «хранителем», должен был медленно подойти, положить палочку на определенное место, обычно на скамейку, и постучать ею в знак начала игры. Пока он шел, другие прятались кто куда, а затем пытались незаметно подкрасться и постучать палочкой о скамейку, что означало конец игры. «Хранитель» же, не отходя от палочки, старался этому помешать, оглядываясь кругом, и если кого-то замечал, то называл его по имени – и тот должен был выйти из игры. Если же «хранитель» ошибался в имени, то можно было опять спрятаться и снова подкрадываться за палочкой. Лучше всего было играть в сумерках, когда разглядеть крадущегося было трудно, «хранитель» ошибался в имени, и игра длилась дольше.

Начали считаться:

На златом крыльце сидели
Царь, царевич,
Король, королевич,
Сапожник, портной.
Кто ты будешь такой?
Выходи поскорей,
Не задерживай
Добрых и честных людей.

Не задумывайся!

Первым «хранителем» выпало быть Мале. У нее был зоркий глаз, и поэтому она сразу разглядела долговязую Алису, безуспешно старавшуюся съежиться за георгинами.

Англичанка, услышав свое имя, надулась и ушла в дом, уверенная, что ей помешали играть нарочно. Макферсон кинулся следом. Остальным стало неловко, кое-как уговорили обидчивую мисс Алису выйти к ужину… Но она по-прежнему строила оскорбленную мину.

– Боже, где он ее только откопал! – прошептала Юлия, проходя мимо сестры. – Теперь бедняга всю жизнь будет мучиться. Еще не раз вспомнит светлые денечки в Красницах!

Маля едва сдержала смех.

Наконец настал вечер.

Лишь стемнело, как вокруг дома зажгли иллюминацию, которую Феликс Иванович ловко приготовил из простых сальных плошек. А затем устроили великолепный фейерверк, заранее приготовленный им же. Старший Кшесинский с детства этим увлекался и считался замечательным «фейерверкмейстером».

Полюбоваться фейерверком приходили и дачники, и жители ближних деревень. Отовсюду раздавались восторженные крики.

– Фейерверк – это очень опасно, – сказала мисс Алиса, поджав губы и снова надев пенсне. – Если искра упадет на сухую траву, может вспыхнуть пожар.

Ей никто не ответил, даже из вежливости. Все с упоением смотрели в небо, где шутихи рисовали разноцветные узоры.

Вдруг раздался конский топот. Это из соседнего имения прискакала целая кавалькада гостей с факелами. От приветственных криков звенело в ушах.

Мисс Алиса со страдальческим видом прижала ладони ко лбу.

– Ах, у меня разболелась голова! Нельзя ли потише!

И, обернувшись к Макферсону, что-то быстро проговорила. Конечно, Маля понимала английский куда хуже, чем французский, на котором говорила с детства, как и все в семье, но ей показалось, что прозвучали слова «family of barbarians», а потом: «It's a pity that it's impossible to leave now!» Итак, она считала их семейством варваров и жалела, что нельзя уехать прямо сейчас!

Макферсон промолчал. Неужели он тоже так думал?! Ну погодите же…

Маля мстительно прищурилась.

– Что так грозно мечут искры дьявольские очи? – пропела Юлия из модной оперетки и добавила шепотом: – Неужели кому-то не поздоровится?

Маля только слегка улыбнулась, но эта улыбка не обещала ничего хорошего.

Наконец настало время вкусного и обильного ужина с обязательным шведским горячим пуншем, который тоже готовил Феликс Иванович по ему одному известному рецепту. Все пришли в восторг, когда на столе появились два вида ухи: русская и польская, со сметаной. Глава семьи занимался ею всегда сам, никому не открывая рецепта.

Алиса продолжала манерничать, но она уже настолько надоела всем, что никто не обращал на нее внимания.

В дни рождений детей Феликс Иванович придумывал самые разные сюрпризы, чтобы потешить в этот день виновников торжества. Чего же следовало ожидать на сей раз?

В разгар ужина все вдруг увидели, что венок из живых цветов, подвешенный к высокому потолку столовой, начал опускаться. Все со смехом смотрели вверх. Венок медленно покачивался.

Маля улыбалась во весь рот. Отец уже дважды устраивал такую шутку. В позапрошлом году венок опустился ей точно на голову. Но в прошлом веревки спутались, венок качнулся –

и спустился на голову увальня-соседа, что вызвало общий смех. А что, если венок упадет на стол? Отец огорчится!

Венок был уже совсем низко, как вдруг Алиса вскочила и схватила его, дернув так сильно, что веревки порвались и венок остался в ее руке.

– Я первая успела! – крикнула она. – Пока вы все сидели, я успела!

На миг за столом воцарилось ошеломленное молчание, а потом Феликс Иванович бурно зааплодировал:

– Вы самая проворная, мисс Алиса! – воскликнул он. – Венок по праву ваш! Браво! Браво!

Домочадцам ничего не оставалось, как поддержать главу семейства. Но это было последней каплей, которая переполнила чашу Малиного терпения. О да, отец деликатнейший, он превыше всего ставит законы гостеприимства, но… Макферсон сам виноват, что привез сюда эту дуру, которая не умеет себя вести, а строит из себя настоящую леди, попавшую в family of the barbarians. И они оба поплатятся за то, что испортили праздник.

Маля улыбнулась этой парочке с таким невинным видом, что Юлия, внимательно наблюдавшая за сестрой, от смеха чуть не подавилась домашней наливкой.

– Скажите, господа, а в Англии ходят за грибами?

– Ну разве только самые бедные крестьяне, которым нечего есть, – снисходительно ответила мисс Алиса.

Маля скрипнула зубами, но улыбка ее оставалась безмятежной.

– Как видите, нам есть что есть, – приветливо сказала она. – Я хожу в лес ради его красоты. Там прекрасно всегда, особенно утром. Вы живете в России уже несколько лет, а, наверное, ни разу не были утром в лесу и не собирали грибы? – обратилась она к Макферсону.

– К сожалению, нет, – ответил он.

О, Маля только и ждала этой излюбленной англичанами вежливой формулы!

– Ничего страшного! – воскликнула она. – Мы исправим это завтра же утром! Я сама покажу вам утренний лес, еще до завтрака. Вы увидите, как солнце играет в капельках росы, которые украсили каждую травинку, каждый цветочный лепесток, каждую ниточку паутины, как из-под влажных листьев выглядывают подросшие за ночь грибы…

Макферсон выглядел растерянным. Не похоже было, что он так уж рвался все это увидеть, но теперь он просто не мог отказаться – это было бы неуважением именинницы.

– Алан, вы промочите ноги и заболеете! – в ужасе вскричала Алиса и чуть не уронила пенсне.

– Ничего со мной не случится, – буркнул ее жених.

– Ну, не зна-а-аю… – протянула Юлия, но так, чтобы ее никто не услышал, кроме сестры.

Она все поняла!

* * *

– Ты говоришь глупости, – перебила мысли мужа императрица Мария Федоровна и вытянулась во весь свой крошечный рост с тем выражением точеного большеглазого личика, которое заставляло «бедного Маку» почувствовать себя не богатырем более шести футов [3] высоты, с косой саженью в плечах, а хрупким недорослком, вроде их сынка, который пошел в миниатюрную матушку и на котором явно отдохнула порода. – Никто не собирается держать никакую свечку! Однако речь идет не только о судьбе нашего сына, но и о судьбе державы. Ты что, забыл про ту… э… – Решительная дама замялась только на миг, подыскивая эвфемизм

[3] Фут – 30,5 см.

для почти неприличного слова «еврейка»: – «Эсфирь»? Хочешь, чтобы он снова нашел себе невесть кого?!

Ага, мысленно усмехнулся император, воистину: муж и жена – одна сатана. Минни, оказывается, тоже подумала про эту… Правильно она ее назвала. Ну сущая Эсфирь!

В самом деле, эвфемизм государыни был очень удачен. Как известно, иудейская красавица Эсфирь обольстила древнего царя Артаксеркса и некоторое время чуть ли не веревки из него вила. А ведь сейчас в разговоре любящих родителей решалась судьба не просто юноши, склонного к неразборчивым связям, решалась судьба наследника русского престола, великого князя, цесаревича Николая Александровича (в семье его звали Ники). А любящими родителями были не кто иные, как царица Мария Федоровна (дома Фут – Минни) и сам государь император Александр III Александрович (он же «увалень Мака»).

Дело в том, что Ники вдруг загрустил и начал явственно хилеть. Никто не мог понять, что с ним происходит, пока некоторые опытные фрейлины, а главное – новый, пришедший на смену Григорию Даниловичу, воспитатель наследника Константин Победоносцев, которому император безоговорочно доверял, не заявили: у мальчишки обыкновенное любовное томление. Ему нужно романтическое увлечение, а попросту говоря, нужна женщина. Пускай побесится, пускай перебесится – может быть, позабудет свою никчемную любовь к Аликс Гессенской, которую встретил, когда ее сестра Элла, ныне звавшаяся великой княгиней Елизаветой Федоровной, выходила замуж за великого князя Сергея Александровича, родного брата государя. У родителей были надежды на княжну Ольгу Долгорукую, однако влюбленность Ники в нее оказалась очень уж мимолетной, хотя в первые дни он буквально пылал. Загорелся – и мгновенно отгорел. А вот история с Аликс затянулась.

…Когда они познакомились, ей было всего двенадцать, Ники – шестнадцать. Но уже через день после встречи они стояли у окошка Петергофского дворца и алмазным кольцом Аликс писали на стекле свои инициалы, сплетая их вензелями, как это делают влюбленные.

«Мы друг друга любим», – записал в тот вечер в дневнике Ники, не без печали вздохнув при воспоминании о том, что в темном стекле, в котором они отражались, было видно, что они с Аликс одного роста. Она на четыре года младше, но такая длинная! Но зато необыкновенно красивая. Необыкновенно…

Ники немедленно решил на ней жениться.

Спустя некоторое время он записал в дневнике, который вел очень скрупулезно: «Желание жениться продолжалось до завтрака, а потом прошло».

Ники не стал писать в дневнике, что «желание жениться» посещало его ежедневно утром и вечером. И он думал, что хорошо бы в эти неудобные и немножко стыдные минуты иметь рядом с собой кого-то. Женщину, с которой можно сделать что-то… что-то взрослое, чтобы избавиться от этих тягостных ощущений. Он представлял себе Аликс рядом в постели, но при этих мыслях возбуждение утихало. С этой девочкой ему ничего нельзя. Она еще маленькая! А с кем можно? Ведь просто ужасно хочется попробовать и научиться!

Об этом же самом – с кем? – размышляли и родители Ники.

В обычных дворянских семьях все было просто. Нанимали какую-нибудь горничную – чистую, хорошенькую, покладистую, – простыми словами говорили, что от нее потребно, следили украдкой за надлежащим исполнением задания, потом давали ей деньги и спроваживали куда подальше с глаз вместе с ее разбитым сердцем и, очень возможно, наполненным чревом.

Однако даже сердечные и постельные увлечения цесаревича нельзя было пускать на самотек. Это государственное дело! Дай волю глупенькому, романтичному Ники – и он устроит еще один афронт своему августейшему семейству, как устроил, когда связался с этой «Эсфирью».

Она и впрямь была иудейкой – но какой прелестной! И каким романтичным было знакомство! Восемнадцатилетнему Ники тогда удалось улизнуть от присмотра наставников и инкогнито прогуляться в Александровском саду. Там-то он случайно познакомился с моло-

дой очаровательной девушкой «с глазами испуганной газели», как обожают писать чувствительные пииты, и влюбился моментально. Его больше всего прельщала даже не ее красота (и в самом деле исключительная), а то, что она представления не имела, кто ее любезный кавалер. Не знали об этом ни ее родители, ни многочисленные родственники. Считалось, что «Эсфирь» (так и будем ее называть) познакомилась с обычным русским офицером, и если Иегова будет милостив, скоро можно сыграть с этим славным мальчиком пышную свадьбу.

Свадьбу, судя по всему, уже пора было играть – и чем скорее, тем лучше, потому что «Эсфирь» оказалась очень пылкой штучкой и уже приготовилась отдаться возлюбленному. Конечно, он не был обрезан, но ее это не останавливало. «Славный мальчик» тоже горел желанием познакомиться с неизведанными прежде плотскими наслаждениями.

Однако, как говорится, повадился кувшин по воду ходить – тут ему и голову сложить. Охрана наследника, которая была уникально ленива, нерасторопна и сквозь пальцы смотрела на его исчезновения, вдруг обнаружила, что исчезает он как-то слишком часто. За Ники проследили – и выяснилось, что бегает цесаревич вовсе не к какой-то даме полусвета (это было бы вполне прилично и допустимо), а к «Эсфири»! Новость дошла до градоначальника Санкт-Петербурга фон Валя, а тот лично доложил императору.

Государя едва удар не хватил. А Мария Федоровна повалилась-таки в обморок!

– В двадцать четыре часа! – выкрикнул Александр, поддерживая обеспамятевшую супругу. – Нет! *В двадцать четыре минуты* выслать эту шлюху из столицы. С семейством! Чтобы и следа никого из них не осталось!

Однако царю сказать легко, а градоначальнику сделать трудно. Трудность состояла в том, что фон Валь, который отправился руководить операцией лично, застал в убогой квартирке, где обитала семья «Эсфири», самого наследника.

– Это моя невеста! – заявил цесаревич, хватая за руку прелестную иудейку. – И вы прикоснетесь к ней, только переступив через мой труп.

Начались долгие и нудные переговоры фон Валя с Ники. Градоначальник клятвенно обещал, что «очаровательной барышне» не будет причинено ни малейшего вреда. Ну, отъедет немножко от столицы, ничего, а там, бог даст, государь успокоится…

Ники поддался на увещевания и удалился. Через минуту после его ухода (отведенное государем время истекало!) «Эсфирь» вместе со всеми родственниками, от деда до младшего брата-младенца, покинула Санкт-Петербург под охраной, которая сделала бы честь целому эшелону сосланных в каторгу боевиков, и «немножко отъехала» куда-то в сторону Житомира. Где-то там и затерялись следы ее крошечных ножек.

Как ни странно, Ники перенес случившееся куда легче и спокойней, чем можно было ожидать. Очень может быть, что приведению его в чувство способствовали несколько крепчайших оплеух, которыми щедро одарил его император своею царственной рукой. Чудо, что голова не отвалилась! Не исключено, впрочем, что он и сам уже осознавал полную бесперспективность и скандальность связи (ну не полный же он был дурак, хотя и вел себя порою подурацки!), а гоношился просто из желания выглядеть храбрецом в «глазах испуганной газели».

Тем дело и кончилось. Однако минуло два года, и поведение Ники вновь стало внушать родителям беспокойство. На сей раз он даже не пытался завести любовницу. Напротив! Замкнулся в одиночестве, худел, бледнел, явно томился от буйства молодой крови… Но, видимо, урок, преподанный папенькой, был столь суров, что он боялся искать себе новую подругу без санкции на то монарха.

Именно после этого и состоялся знаменательный разговор между Александром Александровичем и Марией Федоровной, смысл которого заключался в том, как найти Ники новую любовницу.

* * *

Маля нарочно предупредила вышколенную горничную Машу, привезенную из города, чтобы та в шесть утра стукнула в дверь англичанина, но не уходила сразу, а продолжала постукивать до тех пор, пока господин не проснется. Сама девушка не боялась проспать: привыкла подниматься ни свет ни заря, в пять, чтобы и с отцом обойти хозяйство, и за грибами в лес успеть.

Макферсон явился заспанный, взъерошенный, с отпечатком шва подушки на щеке. Маля же, одетая в белую батистовую блузу и простенькую ситцевую юбчонку a la paysane, по-крестьянски, была румяна, как розовые цветочки, вышитые вокруг довольно глубокого декольте блузы. Вообще-то, по окружности декольте был продернут шнурок, который Маля под строгим матушкиным присмотром затягивала посильнее, но сейчас матушка еще не встала, а потому шнурок был завязан лишь на слабый бантик. Конечно, он мог нечаянно развязаться в любую минуту, но Маля положилась на русский «авось». С преувеличенной радостью она бросилась к Макферсону и залепетала что-то о том, как она рада его видеть, как мечтала всю ночь об этой прогулке, какое это счастье – показать ему свои любимые местечки в лесу, где они будут одни – и только чудесное утро, только лес, только шепот деревьев…

Маля даже не подозревала, что может нанести столько чепухи враз. К тому же она говорила по-русски, чтобы англичанин половину понял, половину нет, не смог уловить насмешливой игры слов, а наслаждался самим звуком нежного голоса Мали. А ее лицо… Недаром ей больше всего на училищных концертах удавались характерные танцы – и не потому, что ей нравилось танцевать в национальных костюмах. Маля любила в танце не только его рисунок, хореографию и техничность – она любила драматическую игру, драматургию движения. Она обожала добавлять в танец именно черты характера того персонажа, жизнью которого жила в тот миг. Все тело ее жило и дышало так, как может жить и дышать только героиня ее танца, и необычайно выразительное лицо ее в эти моменты вовсю трудилось для создания нужного образа. Перед англичанином предстало нежное, невинное, обворожительное существо со сверкающими черными глазами, в которые он смотрел, как зачарованный. Где ему было увидеть такие глаза в Англии? Их у англичанок просто не бывает. Это были глаза польско-французские, ведь среди предков Мали природа столько понамешала…

Но не время было думать о прошлом – и молодой англичанин, спешивший по тропке вслед за изящной фигуркой, овеянной волнами тонкой ткани, не сводил с нее глаз и думал только о настоящем. Изредка Маля оглядывалась – Макферсона в жар бросало от ее взглядов! – а потом он снова устремлял глаза на очаровательный силуэт, весь из плавных изгибов – и чувствовал, что жар только усиливается. Иногда она останавливалась, наклонялась – юбка обрисовывала ее изящные бедра, и мистер Алан издавал короткий стон. Потом Маля распрямлялась, показывая ему свой трофей – подосиновик или подберезовик, такой же ровненький, ладненький, крепенький, как она сама, – а англичанин только растерянно улыбался в ответ.

Ему было не до грибов. Кузовок его оставался пуст и бессмысленно качался на руке.

Так они бродили с полчаса. Наконец пересекли рощу и вышли на полянку, всю полную жужжания шмелей, травяного, круто настоянного на жаре аромата и солнечного света, перемешанного с кружевными тенями деревьев.

– Ну, а где же ваш улов? – со смехом спросила Маля, заглядывая в корзинку Макферсона и видя там только сбитые с кустов листья, сухие веточки и еловые иголки.

– А ваш? – спросил смущенный англичанин.

Маля с торжеством показала корзинку, полную грибов, и радостно принялась танцевать с этой корзинкой на манер того, как танцуют поселянки с корзинками винограда в первом акте «Жизели».

Вдруг она покачнулась, встав на пальцы, – и грибы посыпались из корзинки. Марферсон и Маля кинулись их собирать, ползая на коленях по траве и приближаясь друг к другу. Наконец Маля схватила последний гриб, а Макферсон – ее руку. Но смотрел он не на гриб и не на руку – он смотрел на вырез ее блузки, шнурок которого в этот момент как раз развязался.

Маля бросила гриб в корзинку и торопливо завязала шнурок. Лицо Макферсона почти не отличалось по цвету от алой грозди волчьего лыка, нависшей над его головой.

– Вам, наверное, жарко в пиджаке, – невинно сказала Маля. – Вы весь красный. Снимите его скорей.

Макферсон послушно стащил свой светлый, в тонкую полоску, чесучовый пиджак.

– Боже! – воскликнула Маля. – Да там еще и жилет! Так же недолго заживо свариться!

Макферсон расстегнул и снял жилет. Потом рука его потянулась к вороту рубашки. Казалось, он хотел расстегнуть и ее, однако спохватился, сделал вид, что хотел просто ослабить воротничок и галстук, но при этом еще пуще покраснел.

– Я… – пробормотал он хрипло. – Я совсем забыл. Я еще вчера должен был вручить вам подарок, но забыл, и потом, было очень много народу…

Маля отлично его поняла: ему неловко было вручать подарок в присутствии мисс Алисы. Да уж, его невеста – редкостная зануда, она могла и ляпнуть что-нибудь неподходящее.

– Вы привезли мне подарок? – Маля чуть не запищала от восторга. – Где же он?!

Макферсон достал из кармана пиджака небольшой сверток в шелковой бумаге.

– Что это?

– Возьмите и посмотрите.

Бросив на англичанина лучистый взгляд, Маля развернула пакетик и ахнула в неподдельном восторге. Это было прелестное портмоне из слоновой кости с незабудками – подарок очень изысканный и вполне подходящий для барышни ее возраста.

– Ах! – воскликнула Маля. – Как красиво! Не знаю, как вас благодарить! Вы просто чудо!

– Дайте мне поцеловать вам руку, – выдохнул Макферсон. – Это будет прекрасная благодарность.

Маля протянула ему руку. Он едва коснулся пальцев дрожащими губами, потом повернул кисть вверх ладонью, словно намереваясь поцеловать и ее, как вдруг с его лба сорвалась капелька пота и упала на ладонь.

Маля хихикнула, а Макферсон остолбенел:

– Простите, о, простите!

– Ничего страшного, – улыбнулась Маля и слизнула капельку. – Вот, смотрите, уже ничего и…

Она хотела сказать «нету», но не успела: Макферсон издал невнятное восклицание и кинулся к ней. Схватил в объятия и крепко поцеловал в губы.

От изумления Маля замерла в его руках. Новые ощущения были ошеломляющие. Так вот что такое: целоваться! Это вовсе не то, что она однажды позволила своему училищному партнеру Николаше Легату. Тот просто прижался сомкнутым ртом к ее рту. А Макферсон трогает ее губы своими, играет с ними, ласкает… Кроме того, Николаша Легат только пытался обнять Малю за плечи, а Макферсон водит рукой по ее груди… Она вышла в лес без корсета – она всегда ходила в лес без корсета, вот еще, а такую-то жару! – и он мучительно застонал, касаясь ее сосков. Маля прерывисто вздохнула, обняла его за шею и принялась подражать игре его губ. Голова начала кружиться… показалось, что земля покачнулась… солнце ударило в глаза… не тотчас она сообразила, что лежит на траве, а Макферсон навис над ней и, упираясь одной рукой в землю, пытается развязать многострадальный шнурок ее декольте.

Маля опомнилась. А вдруг кто-то увидит их здесь? Порой ей приходилось сталкиваться в лесочке с крестьянскими ребятишками и детьми дачников. Какой скандал разразится, если кто-то узнает, что любимая дочь Феликса Кшесинского, одна из самых обещающих балерин

театрального училища, валялась на траве, как простолюдинка, без корсета, позволяя какому-то англичанину тискать и целовать себя!

Она с силой оттолкнула Макферсона, так что он чуть не упал на спину, и вскочила.

– Я знаю! – крикнула она запальчиво, от волнения неправильно спрягая французские глаголы. – Вы думаете, что все балерины доступны! Уж не вознамерились ли вы бросить мне палку?

Макферсон вытаращил глаза и огляделся, словно искал где-то рядом палку, которую он намеревался бросить. Мале стало смешно, и страх прошел.

– Нам пора, мистер Макферсон. Наверное, мисс Алиса уже проснулась…

У него сделалось такое потерянное лицо, что Мале стало его жаль. Да он ведь сейчас заплачет, бедный!

– Посмотрите, прошу вас, не набились ли травинки мне в волосы, – ласково сказала она, взглядывая исподлобья.

Макферсон коснулся дрожащими руками ее пышной, распушившейся косы, которую она не успела переплести утром.

– Маля… – выдохнул он. – Что вы со мной делаете! Алиса – дочь моего начальника, он обещал мне протекцию по службе… Я должен сделаться помощником атташе. Но сейчас я чувствую, что все мои карьерные соображения ничего не значат! Я готов бросить все, все: посольство, невесту, Англию… Вы меня погубите!

Маля отпрянула. Он упрекает ее? Мужчина упрекает женщину?

– Что вы, мистер Макферсон, – сказала она чопорно. – У меня и в мыслях не было губить вашу карьеру или ваше семейное счастье. Прошу вас, давайте скорей вернемся, чтобы у мисс Алисы не было оснований нажаловаться отцу.

– Маля, простите меня! – простонал Макферсон, но девушка уже бросилась в рощу:

– Не отставайте! И не забудьте надеть пиджак! И жилет! А то мисс Алиса невесть что подумает!

Ей было грустно, смешно, противно – все разом. Она сама не понимала, то ли она насмеялась над Макферсоном, то ли он над ней, то ли она отвергла, то ли отвергли ее, то ли ее надежды обмануты, то ли она обвела Макферсона вокруг пальца. Спустя несколько минут, уже когда показались крыши дома, она окончательно поняла, что Макферсон ей не нужен. Она добилась, чего хотела, – на минуточку свела его с ума. Теперь ему будет тошно даже смотреть на его сухоребрую Алису!

Но именно Алиса была первой, кого они встретили, войдя в калитку и оказавшись во дворе. Подбирая юбки так высоко, что стали видны ее тонкие лодыжки, – Маля с удовольствием обнаружила, что они кривоваты, – она бежала к калитке.

– Где вы были, Алан? – закричала она.

Даже при своем не слишком хорошем английском Маля оказалась способна понять эти слова и робкий ответ Макферсона:

– Мы были в лесу. Мы собирали грибы.

– Это неправда! – закричала Алиса, и ее глаза наполнились слезами. Она сорвала пенсне и сердито смахнула слезы: – Вы валялись на траве! Вы делали какие-то неприличные вещи! Вы… вы изменник, Алан! Я все скажу отцу!

– Успокойтесь, мисс Алиса, – надменно сказала неизвестно откуда взявшаяся Юлия. – Летом в лесу с утра всегда роса. Помните, Маля говорила об этом еще вчера? Если бы они, как вы говорите, валялись на траве, они были бы мокрые. Так что поосторожней говорите гадости о моей сестре! Вы гостья папеньки, и только это удерживает меня от того, чтобы указать вам на дверь!

– Роса, роса! – уже почти плача, воскликнула Алиса. – Ну ладно, они не мокрые, это правда! Но где же грибы? Если они не принесли грибов, то чем они занимались?

Маля чуть не ахнула. Она так спешила убежать с поляны, что совсем забыла про свою корзинку! Теперь Алиса от них не отстанет…

– Вот грибы, – раздался тихий голос Макферсона, и девушки изумленно обернулись к нему. Он держал в охапке полное доверху лукошко Мали. Она и не заметила, когда молодой англичанин его подобрал.

И как он успел на ходу, с лукошком в одной руке, умудриться надеть и жилет, и пиджак, да еще и застегнуться на все пуговицы?! Просто чудеса.

Алиса на глазах успокаивалась и даже начала улыбаться.

– Алан, – сказала она, все еще шмыгая носом, – вы помните, отец просил нас не задерживаться и вернуться сегодня. Я уже собрала свой саквояж. Прошу и вас сделать это.

– Хорошо, – покорно вздохнул Макферсон и, передав Мале корзинку и бросив на девушку последний тоскливый взгляд, побрел к дому.

– Мистер Алан! – окликнула его Маля.

Ах, как стремительно он обернулся! Какой надеждой сверкнули его глаза!

– Мистер Алан, если вы хотите уехать, надо поторопиться, – приветливо сказала Маля. – Скоро пойдет дождь. Нехорошо будет, если вы приедете к своему начальнику мокрым. Это может повредить вашей карьере.

И, выпустив эту парфянскую стрелу, Маля побежала на кухню, бережно неся корзинку.

Юлия смотрела вслед. Она-то сразу заметила, что юбка сестры смята, в косе запутались травинки, а белые чесучовые штаны Макферсона испачканы на коленях зеленью… Хорошо, что Алиса так близорука и ничего дальше своего носа не видит. Хорошо, что у нее такое плохое пенсне.

Роса, роса… Но сегодня утром никакой росы не было и быть не могло, потому что барометр еще с вечера начал падать, предвещая дождь. А перед дождем трава всегда сухая!

…Спустя два или три месяца Маля записала в своем дневнике:

«Сегодня снова пришло письмо от Макферсона. Я три дня забывала его открыть, потом все же прочитала, потому что Юлечке было интересно. Он снова писал, что любит меня, что свадьба его с Алисой не состоялась и не состоится никогда. Я не стану отвечать. Меня он совсем перестал интересовать, несмотря на свои письма и цветы. Наверное, это грех на моей совести, но что же я могу поделать?! Кто его заставлял влюбляться?! Сам виноват!»

Если бы она могла заглянуть в будущее, она бы узнала, что никогда ни в чем не сочтет виновной себя. Во всех ее собственных и чужих неприятностях всегда будет виноват кто-то другой. Сам виноват!

* * *

Иногда приятели по гусарскому полку, прежде всего удалой потаскун Евгений Волков, который безудержно хвалился своей любовницей, балетной артисткой Татьяной Николаевой, но не пропускал при этом ни одной даже не балетной юбки, затаскивали Ники на пьянки. Тогда в дневнике, куда довольно часто совала украдкой нос Мария Федоровна, убежденная, что всякий мужчина должен сидеть под каблуком не жены, так матери, появлялись записи такого рода:

«Вчера выпили 125 бутылок шампанского. Был дежурным по дивизии. В час выступил с эскадроном на военном поле. В пять был смотр военным училищам под проливным дождем…»

Тяжелый день после разгульной ночи, но лишь вечер – «Снова ковшик шевелится»… «Проснулся – во рту будто эскадрон ночевал».

Гусары есть гусары:

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от ура
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали…
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»
…
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь,
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!
Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет.
Пей, люби да веселися! —
Вот мой дружеский совет.

Вот они и пили, исполняя «дружеский совет»: то поставив рюмку на отставленный локоть и приняв содержимое залпом, то расставив по всей лестнице рюмки и бокалы – и начинали восшествие, осушая каждый сосуд. Не всякому удавалось добраться до верхней ступеньки – многие падали мертвецки пьяные уже на середине лестницы. Зимой веселились с особенной изобретательностью: раздевались донага и выскакивали на лютый мороз, а в это время буфетчик выносил лохань с шампанским, откуда господа гусары хлебали все вместе и выли при этом по-волчьи. Это называлось «допиться до волков».

Но это все попойки… Мария же Федоровна с особым любопытством искала в дневнике сына упоминания о женщинах. Иногда что-то такое проскальзывало:

«Такой массы цыган никогда не видел! Четыре хора участвовали. Ужинали, как тот раз, с дамами. Я пребывал в винных парах до шести утра…»

Ну, это неинтересно, разочарованно думала Мария Федоровна. Чтобы напиться, большого ума не надо, это не то. Хотя, возможно, Ники уже понял, что вездесущая maman читает его откровения, и поэтому пишет далеко не все? Хотя нет, тотчас поняла она. Если бы Ники так думал, он никогда не написал бы вот это:

«Вечером у Мама втроем с Апрак [4] рассуждали о семейной жизни теперешней молодежи из общества. Невольно этот разговор затронул самую живую струну моей души. Затронул ту мечту и ту надежду, которыми я живу изо дня в день. Уже полтора года пролетело с тех пор, как я говорил об этом с Папа в Петергофе, и ничего не изменилось ни в дурном, ни в хорошем смысле. Моя мечта – когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю, но еще глубже и сильнее с 1889 г., когда она зимой провела 6 недель в Петербурге. Я долго про-

[4] Княгиня Александра Александровна Оболенская-Нелединская-Мелецкая, урожд. Апраксина – фрейлина, близкий друг царской семьи.

тивился моему чувству, стараясь обмануть себя невозможностью осуществления моей заветной мечты, но теперь, когда Эдди [5] оставил или был отказан, единственное препятствие или пропасть между ею и мною – это вопрос религии. Кроме этой преграды нет другой, я почти убежден, что наши чувства взаимны. Все в воле Божьей, уповая на его милосердие, я спокойно и покорно смотрю в будущее».

Если бы он мог заглянуть в будущее, он бы понял, что иногда родителей слушаться все же стоит, что его упрямство приведет к гибели целую страну… А впрочем, кто знает, может быть, он бы ничего не понял, даже если бы смог заглянуть в будущее. Ничему Ники не поверил бы и постарался бы поскорей об этом забыть, потому что терпеть не мог думать о неприятном, а тем паче о страшном. И вообще он терпеть не мог заглядывать в будущее. Это его и погубит.

Мария Федоровна с досадой перечитывала строки дневника. Иногда старший сын ее ужасно раздражал. Каждый, кто рождался в царской или королевской семье, вырастал в сознании, что ему рано или поздно придется подчинить свое сердце династическому браку, который будут диктовать интересы государства. Не всем же так повезет, как в свое время повезло ей! Старший брат Александра, Никс, Николай… Мария Федоровна, тогда датская принцесса Дагмар, стала его невестой по выбору родителей и жребию судьбы, но полюбила от всего сердца. Ее семейная жизнь была бы совершенно иной, и дети у нее были бы другие, если бы Никс не умер так внезапно, так страшно… Они с Александром сидели по обе стороны его постели, а он держал их за руки, не то соединяя, не то разделяя. Потом оказалось, все же соединяя… Они не были влюблены, когда стояли перед алтарем, но их брак оказался счастливым, потому что каждый понимал: они избранники судьбы, они должны соединиться во имя процветания своих государств. Все желали этого брака, и осознание своего высокого предназначения помогло им обрести счастье в обыденных семейных отношениях.

Но никому в России не по душе Алиса Гессенская! В салонах по ее адресу откровенно злословят и с презрением называют «англичанкой», причем болтуны уверены в своей безнаказанности: всем известно, что императорская семья не желает такой жены для своего старшего сына. Мало ли что принцесса Алиса – крестная дочь германского императора! Русский император и его жена уверены, что наследник русского престола достоин лучшего, чем захудалая принцесса, пятая дочь Людвига Гессенского, сирота, мать которой была больна гемофилией, несвертываемостью крови. Очень трогательно читать сказку про Спящую красавицу, которая уколола палец веретеном и уснула. На самом деле на дворе просвещенный век: всем известно, что гемофилия передается по наследству только мужчинам. Конечно, не всегда… Но ведь мать Аликс передала-таки эту болезнь своему сыну, и тот умер! Значит, нельзя исключать, что один из сыновей Ники окажется болен этой страшной болезнью. А если у него родится только один сын? А если болен окажется наследник престола?… Нет, нельзя полагаться на случай и так рисковать с престолонаследием! Браку с Аликс не бывать!

Если бы она могла заглянуть в будущее, она с ужасом узнала бы, что сын женится-таки на Аликс и их сын единственный унаследует роковую гессенскую болезнь. Но будущее бывает порой таким страшным, что в него лучше не заглядывать, а потому оставим пока Минни наедине с ее беспокойными материнскими мыслями.

Ну и что, что Аликс – внучка английской королевы, продолжала размышлять императрица. Она – всего лишь одна из ее множества внучек, которую бабушка Викки не знает, куда

[5] Альберт Виктор Эдуард, герцог Кларенс, второй сын принца Уэльского, которого прочили в женихи Аликс.

пристроить. Нет, Ники нужна другая жена. Куда значительней мог быть его брак с французской принцессой Элен, второй дочерью Луи Филиппа Орлеанского, графа Парижского, претендента на французский престол. Конечно, Франция уже не монархия, правящий дом Бурбонов низложен, однако благородное происхождение продолжает играть огромную роль в сознании народа. Кроме того, Франция – союзница России, так что этот брачный союз еще более укрепил бы политический альянс.

И что же пишет в дневнике неразумный цесаревич, который думает прежде всего о своих чувствах, а уже потом о благе государства?

«В разговоре с Мама утром она мне сделала некоторый намек насчет Елены, дочери гр. Парижского, что меня поставило в странное положение. Это меня ставит на перепутье двух дорог: самому хочется идти в другую сторону, а по-видимому, Мама желает, чтобы я следовал по этой! Что будет?»

Другая дорога – это все та же Аликс…

Незадача в том, что Элен оказалась слишком уж доброй католичкой. Она не пожелала менять римско-католическую религию на православную.

«Ах, какие глупые нынче пошли принцессы», – с возмущением подумала Мария Федоровна, вспомнив о своих многочисленных предшественницах на русском престоле: все эти Софии-Фредерики, Луизы, Шарлотты, Мари простились с протестантской верой, чтобы сделаться Екатериной Великой, Елизаветой Алексеевной, Александрой Федоровной и Марией Александровной, русскими императрицами. То же проделала в свое время и Дагмар, ныне Мария Федоровна. Элен просто глупа. Прозябать лишенной престола католичкой или сделаться православной императрицей – да разве перед девушкой вообще может стоять в этом случае проблема выбора? Но Элен оказалась очень неуступчивой, а ее родители – слишком слабохарактерными, не смогли на нее воздействовать. Пожалуй, Бурбоны именно из-за этого и утратили власть в стране, подумала Мария Федоровна. Возмущенный император Александр не стал настаивать и начал переговоры относительно Маргарет Прусской. Конечно, это тоже германская принцесса, но Прусский королевский дом издавна исправно поставлял невест русским императорам. Может быть, и в самом деле не стоило изменять традициям?

И что же? Маргарет оказалась такой же неистовой протестанткой, как Елена – католичкой. Она отказалась наотрез менять веру! Ники вздохнул с облегчением: он сразу заявил, что лучше пострижется в монахи, чем женится на невзрачной костлявой Маргарет.

Невозможно представить уныние теперешнего положения! В поле зрения русского царского дома пока не оказалось ни одной подходящей европейской принцессы. Ну вот разве что на Балканы взглянуть. Но там есть свои pro и contra, причем этих contra чуть ли не больше, чем pro. Все это нужно как можно лучше обдумать. А тем временем Ники снова уперся в свои мечты об Алисе Гессенской, или Аликс, как ее обычно называли.

«Моя мечта – когда-нибудь жениться на Аликс Г. Я давно ее люблю… Единственное препятствие или пропасть между нею и мною – это вопрос религии…»

«Еще одна религиозная дурочка», – с презрением подумала Мария Федоровна. И все же ее сестра, прекрасная Элизабет, или Элла, как ее зовут в семье, стала ведь женой великого князя Сергея Александровича, брата императора. Была до невозможности воодушевленной протестанткой – теперь же ведет себя так, словно всю жизнь верила только в православного бога.

Элла, крещенная в Елизавету Федоровну, очень умна, что просто удивительно при такой красоте. Даже чересчур умна. Или хитра?… Всякая женщина, которая умудряется уживаться с Сержем, для которого женщины вообще не существуют, которому интересны только хорошенькие поручики или прапорщики, либо непроходимо глупа, либо невероятно хитра. А впрочем, семейная жизнь Эллы и ее так и не нарушенная девственность не слишком волновали императрицу. Серж – всего лишь младший брат императора, ему никогда, ни при каких обстоятель-

ствах не наследовать трон. Речь идет только об Элле и ее разумности. Она, конечно, очень хочет сделаться сестрой императрицы, а это произойдет, если Ники женится на Аликс. И не исключено, что под влиянием Эллы Аликс переменится: доводы рассудка возьмут верх и над религиозными чувствами. И тогда Ники будет стремиться к этому браку, как жеребец к кобылке. А если родители вздумают воротить от Аликс носы, не ждет ли их такое же категоричное заявление сына:

– Я лучше постригусь в монастырь, чем женюсь на ком-то, кроме Аликс!

И чем дольше затягивается девство цесаревича, тем больше опасности, что он просто спятит от плотского томления, окончательно помешается на далекой, недостижимой и желанной Аликс.

Значит, нужно сделать. Что? Да все то же. Нужно его отвлечь, да поскорей.

Вот ведь что он пишет дальше в дневнике: «После чаю я залез в комнату Ксении и из-за занавеса смотрел на ее урок гимнастики с молоденькой и недурной особою».

Это уже теплее, куда теплее… Уж не поговорить ли, в самом деле, с учительницей гимнастики? А что? Как говорится, c'est façon! [6]

Если бы она могла заглянуть в будущее, она увидела бы, что с учительницей гимнастики говорить не придется, потому что сыщется совсем другой, куда более интересный fason.

* * *

– Кшесинская, не морщите лоб, рано состаритесь!

Маля вздохнула:

– Да, Екатерина Оттовна.

– Ах боже мой! – воскликнула Екатерина Оттовна Вазем, преподавательница хореографии, балерина Императорских театров. – Вы вздыхаете, словно дряхлая старушка! Уж не устали ли вы заниматься, тезка?

Маля невольно улыбнулась. Ей нравилась госпожа Вазем, и она нравилась учительнице. Немногие знали, лишь в околобалетной среде, к которой принадлежал и Феликс Иванович Кшесинский, а значит, и его дети, что при рождении госпожа Вазем звалась Матильдой, но потом она приняла православную веру и была крещена Екатериной. Екатерина Оттовна сохранила немецкую фамилию, несмотря на то что дважды была замужем и могла поочередно зваться Гусевой и Насиловой. Балерины, как правило, оставляли девичью фамилию, если именно под ней познали вкус славы. А Вазем его познала!

По окончании училища она была принята в Санкт-Петербургскую балетную труппу Императорских театров и вскоре заняла место ведущей балерины.

Несколько партий специально для нее сочинил знаменитый Мариус Петипа, который уже при жизни считался классиком мирового балета. Постепенно Екатерина Вазем стала примабалериной петербургской сцены. А потом получила официальные приглашения на балетные сцены Нью-Йорка и Филадельфии. Маля была еще совсем маленькой, но отлично помнила, как это обсуждалось дома. Ведь родители жили всеми событиями, которыми жил балет. Отец очень жалел, что дирекция Императорских театров не отпустила госпожу Вазем гастролировать в Америку. Однако пилюлю отказа позолотили: Екатерине Оттовне начали платить более шести тысяч рублей в год, в ту пору она считалась самой высокооплачиваемой балериной русского театра.

– Что и говорить, – помнила Маля слова отца, – техника танца у нее филигранная, но уж очень холодная, бесстрастная манера.

---

[6] *Здесь*: выбор, вариант (*фр.*).

– Зато благородная, – спорила с ним жена.

– Благородная, как лед, – вздыхал отец, но тут же спохватывался. – Запомните, девочки, – обращался он к Мале и Юле, – если вам повезет учиться у Екатерины Оттовны, постарайтесь перенять эту необыкновенную технику.

Впрочем, когда шли эти разговоры, не было никакой надежды, что девочкам повезет: Екатерина Оттовна еще танцевала. Но в тридцать шесть она покинула сцену и начала преподавать в Санкт-Петербургском театральном училище. Юлия к тому времени его уже окончила, но Маля все же стала ученицей Вазем.

Собственно, первым педагогом Кшесинской-младшей был Лев Иванович Иванов. Строго говоря, именно с его благословения Маля и попала в училище. Как-то после репетиции Феликс Иванович Кшесинский пригласил его в гости, объяснив, что хочет показать ему свою меньшую дочку и посоветоваться, что с ней делать. «Сошла с ума по балету, – усмехался он, – в театр не брать – плачет, а возьмешь – не спит целую ночь и все время старается изображать балерину». У Кшесинских Иванов увидел одетую в балетный костюм семилетнюю девочку, которая с замечательной ловкостью и грацией выделывала всевозможные балетные па и принимала разнообразные, нередко весьма трудные позы. Удивившись такому детскому увлечению, Иванов всмотрелся в нее более пристально и тогда же решил, что это несомненное призвание. «Учить надо, – сказал Лев Иванович ее отцу, – и учить немедленно. Такая любовь к танцам – явление редкое, это несомненный талант, который необходимо развить. Ты увидишь, что она будет балериной и знаменитостью».

Слово Иванова в этом доме значило очень много. Как ни восхищались Кшесинские Мариусом Петипа, они все же помнили, что великолепный второй акт «Лебединого озера» и весь «Щелкунчик» Чайковского поставил именно Иванов. Из созданных им танцев всем особенно запомнился его «Чардаш» на музыку Листа. Дарованию Иванова не дано было полностью развиться, и он не создал всего того, что мог бы дать при иных условиях. Мешала отчасти его природная апатичность, а отчасти его положение подчиненного, при котором главный балетмейстер Петипа правил все и мог всегда взять его балет и по-своему слегка изменить, так что это считался потом балет Петипа. А Иванов обречен был вечно играть вторую скрипку.

Заниматься было довольно скучно. Лев Иванович сам аккомпанировал на скрипке и, как Мале иногда казалось, любил эту скрипку больше, чем своих воспитанниц. Во всяком случае, он заботливо заворачивал ее в фуляровый платок и зимой носил на груди, под шубой, чтобы скрипка не замерзла и не отсырела, однако не обращал никакого внимания, когда у девочек, еще непривычных к пуантам, сквозь тонкую ткань балетных туфель просачивалась кровь от стертых пальцев. А это очень часто случалось на уроках Иванова – ведь он преподавал начальные упражнения, своего рода азбуку балетного искусства. Впрочем, Лев Иванович часто повторял латинское выражение «per aspera ad astra» – через тернии к звездам. Окровавленные пальцы – это были те необходимые тернии, которые предстояло или преодолеть, или не прорваться к звездам.

На уроках Иванова Маля откровенно тосковала. Ведь она все это прошла уже дома, да и пальцы ног у нее окрепли во время упражнений под руководством отца, так что пуанты всегда оставались чистыми.

Мале иногда казалось, что Иванов диктует движения и делает замечания машинально, думая о чем-то постороннем. Ленивым голосом он твердил: «Плие, батман, коленки надо вывернуть», – но не останавливал, не исправлял, не задерживал класс из-за неправильного движения ученицы. Но девочка точно знала, что Лев Иванович любил не только скрипку: бывая в гостях у хлебосольного Кшесинского, Иванов с особым чувством разворачивал салфетку и говорил: «Покушаем!» Он, как и многие артисты, любил покушать!

В классе Льва Ивановича Иванова Маля занималась с восьми до одиннадцати лет, а потом перешла в класс Екатерины Оттовны Вазем, где изучали уже более сложные движения. Что и

говорить, Екатерина Оттовна очень старалась обучить девочек своей великолепной технике. Проходили не только упражнения и следили не только за правильностью исполнения, но требовалась и грация. Урок начинался с экзерсисов у «палки», потом на середине исполняли адажио и аллегро. Па были не очень сложные – аттитюд, арабески, прыжки, заноски, движение на пальцах, па-де-бурре, перекидные со-де-баск – основные движения, которые вечны в балетном искусстве, как бы ни менялась техника. Екатерина Оттовна обращала внимание на правильную постановку ноги на пальцах, что имеет очень большое значение, и на выворотность стоп и колен. И все-таки это было еще не искусство – это были просто упражнения, как казалось Мале.

Класс госпожи Вазем был переходным к старшему, уже виртуозному танцу класса Иогансона. Впрочем, иногда Екатерина Оттовна заменяла немолодого болезненного шведа – как сейчас.

Маля очень любила Иогансона и скучала по нему. В его классе было вдохновение, он был не просто преподавателем, но и поэтом, вдохновенным артистом и творцом. Иогансон был мыслителем и наблюдателем, делал очень меткие замечания, которые помогали художественному развитию юных танцовщиц. Его искусство было благородно, потому что было просто, да и сам он был прост, потому что был искренен. Каждое движение педагога было полно смысла, выражало определенную мысль и настроение, и он старался передать их воспитанницам. И когда Екатерина Оттовна заменяла его, Маля не могла скрыть грусти и досады.

После урока госпожа Вазем остановила ее:

– Мадемуазель, у вас такое печальное лицо! Не случилось ли чего, господи помилуй, дома? Все ли здоровы?

– Все здоровы, – вздохнула Маля.

– А вы? Что это за синяки под глазами? Может быть, вы влюблены и не можете отыскать возможности для встречи с милым другом? Ах, эти стены терпеть не могут романов!

Серые холодноватые глаза Екатерины Оттовны искрились смехом. Маля тоже не могла сдержать улыбки. Они отлично понимали друг друга.

В самом деле, заводить романы в театральном училище было непросто. Мальчики и девочки, юноши и девушки содержались раздельно друг от друга. В бельэтаже помещались дортуары и классы воспитанниц и репетиционные залы, два больших и один маленький, откуда широкий коридор вел в школьный театр, находившийся в том же этаже. Оттуда шла небольшая лестница в верхний этаж, где были устроены дортуары и классы воспитанников, кабинет инспектора и репетиционные залы.

Между воспитанниками и воспитанницами строго запрещалось всякое общение, однако первая любовь расцветает в юных сердцах так же свободно, как травинки прорастают между камнями. Конечно, влюбленным нужно было приложить много хитростей и уловок, чтобы обменяться записочкой или улыбкой. Во время урока танцев и репетиций со всех сторон следили классные дамы, чтобы не допустить взгляда или движения. И все же в это единственное время встреч удавалось перекинуться словом и пококетничать.

Маля тоже вовсю играла глазами, подражая подругам, и Вася Рахманов, ее партнер, дрожал, когда встречался с ней глазами, а во время совместных репетиций краснел и бледнел так, что Маля с трудом удерживалась от смеха. Ей и в самом деле было смешно. Мужчины так просты, оказывается… Васька – совсем мальчишка. Алан Макферсон – тоже, хотя гораздо старше. Получается, все мужчины одинаковы. Они любят, когда женщины играют ими, словно куклами. То пригладят кукле волосы, оденут в хорошенькое платьице, посадят на игрушечный стульчик, а то бросят в угол и убегут во двор играть в «палочку-воровку». Кукла покорно валяется в углу, мечтая о том времени, когда воротится хозяйка. И вот она приходит, снова берет куклу на руки, нянчит, поправляет ленточки в ее косичках, берет с собой в постель… А сердечко бедной куклы – если у кукол, конечно, есть сердечки! – трепещет в страхе: ведь ее снова скоро бросят. Кукла не может уйти к другой хозяйке, не может сказать, как сердита. Но

мужчины могут, однако не хотят, не говорят, все терпеливо переносят – жестокое кокетство, женские причуды. Почему? Потому что им нравится мучиться!

– Нет, дело не в романе, – пренебрежительно сказала Маля.

– А в чем же? – настаивала госпожа Вазем.

Мале очень хотелось повернуться и сбежать, но это было, конечно, невозможно. И точно так же невозможно было признаться в том, отчего у нее было вот уже который день дурное настроение, отчего она чувствовала себя усталой, а весь огромный, порой мучительный труд обучения казался мартышкиным трудом. В последнее время она сама себя не узнавала. Причем ей казалось, что нечто подобное испытывают и некоторые другие девушки, которые учились вместе с ней!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.